

Р.А. ДАВЫДОВ

“МИССИЯ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА” РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С.С. ДЖУНКОВСКОГО в середине 1850-х – начале 1860-х годов

Сотни жителей Архангельской губернии, занимавшиеся в летний период рыболовством и торговлей на севере Норвегии, оказались охваченными во второй половине 1850-х – начале 1860-х годов религиозной пропагандой, направленной как против православия, так и против российского правительства.

Официальное решение о создании католической миссии в норвежском Финнмарке¹ было принято в 1854 г. во время Крымской войны. На Севере в 1854 г. английский королевский флот обстрелял Соловецкий монастырь, осуществил серию десантов и подверг обстрелам русские поселения по берегам Белого моря, сжег большую часть древнего заполярного города Колы, гарнизон которой отказался сдаться и принял неравный бой.

В 1855 г., когда французы тысячами гибли в Крыму от ран и болезней, в Париже на русском языке печаталась литература, предназначенная для распространения католической миссией среди жителей Архангельской губернии, приезжающих в Норвегию. Как выяснилось впоследствии, основная работа миссии была ориентирована на русских старообрядцев (“раскольников”), подвергавшихся в те годы известной дискриминации со стороны российских властей и Святейшего Правительствующего Синода. (Старообрядцы, недовольные притеснениями со стороны российских властей, пользовались в Поморье значительным авторитетом и влиянием, а уровень их благосостояния, по оценке современников и исследователей, был достаточно высоким.)

Поскольку практические результаты этой, похожей на авантюру, акции оказались крайне незначительными, а сама миссия прекратила свое существование в 1869 г., история ее до недавнего времени оставалась малоизвестной и малоизученной. Лишь в 1990–2000-х годах к этой теме независимо друг от друга обратились исследователи в Норвегии и России.

«“Миссия Северного полюса”, – считает норвежский историк Йенс Петер Нильсен, – явилась первой попыткой создать организацию в приполярных районах, поверх национальных границ. В этом смысле она, можно сказать, была предшественницей Баренцева Евро-Арктического региона наших дней. Однако миссию можно также рассматривать как давнюю попытку склонить норвежцев, в первую очередь жителей северонорвежских провинций, присоединиться к своего рода Европейскому союзу или, лучше сказать, к европейскому “духовному союзу”. Примечательно и то, что во главе миссии стоял русский человек, который за несколько лет до этого оставил

Давыдов Руслан Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института экологических проблем Севера Уральского отделения РАН.

Статья написана в рамках исследования “Российский опыт государственной политики по защите национального суверенитета и урегулированию спорных проблем международных отношений на Европейском Севере”, грант РГНФ № 14–17–29001 а/р.

¹ Полное оригинальное название – *Praefectura Apostolica Poli Arctici*, в англоязычной литературе – *North Pole Mission* (“Миссия Северного полюса”).

православие и принял католическую веру. Этим человеком был Степан Степанович Джунковский»².

С этим трудно не согласиться, однако отметим, что миссия была создана в то время, когда Россия вела войну. Действительно, своим созданием она обязана С.С. Джунковскому, отказавшемуся от православия и принявшему католическую веру. Но следует уточнить, что в России он был лишен всех прав состояния и объявлен “навсегда изгнанным из пределов государства”.

Так или иначе, личность С.С. Джунковского (1821–1870), бывшего в середине XIX в. одним из наиболее видных русских адептов католицизма, и его деятельность, прежде всего в Архангельской губернии, заслуживают внимания и изучения историками.

“ОТЛИЧАЯСЬ С ЮНОСТИ ОСОБЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТЬЮ...”

Степан Степанович Джунковский родился 10(22) февраля 1821 г.³ в семье известного ученого и администратора, приближенного к императорскому двору Степана Семеновича Джунковского (1762–1839)⁴. Отец видел будущее сына связанное с военной службой и содействовал определению его в 1-й кадетский корпус. Однако кадету Джунковскому из-за его слабого физического развития вскоре пришлось оставить корпус и поступить в Санкт-Петербургский университет. По окончании его в 1842 г. он написал две диссертации: о крепостном труде в России и о финансовых системах европейских государств. Первая особого успеха не имела, зато вторая была отмечена медалью⁵.

Перспектива государственной службы мало занимала Джунковского, еще в университете проявлявшего больший интерес к философским вопросам о назначении, бытии, духе и благе человека. Закончив обучение, Джунковский отправляется за границу: формально – по поручению министра народного образования графа С.С. Уварова для изучения состояния среднего и низшего образования в Европе, фактически – для изучения новейших работ европейских, в первую очередь немецких, философов. В Берлине на мировоззрение Джунковского оказали заметное влияние немецкая идеалистическая философия, личное знакомство с Ф. Шеллингом – немецким философом-идеалистом, посещение его лекций. Христианский универсализм Шеллинга в немалой степени способствовал обращению Джунковского к идее единства церкви и в дальнейшем способствовал его обращению к католицизму. Сохранились отдельные, но неподтвержденные указания на то, что Ф. Шеллинг будто бы открыл Джунковскому свое философское завещание, где заявлял о своем признании истинности Евангелия.

Помимо философии Джунковский страстно увлекся изучением народных верований, деятельностью сект, для чего предпринял серию поездок по западнославянским и немецким землям, побывал в Голландии, Франции, Англии и Италии. Под впечатлением от увиденного он все более стал склоняться к убеждению, что неверие есть единственный источник всех зол человечества. Решив бороться против неверия, он начал работу по обращению в православие западных христиан.

² Нильсен Й.П. С.С. Джунковский и “Миссия Северного полюса”. Проект освоения Арктики Римско-католической церковью в XIX в. – Скандинавские чтения – 2006. СПб., 2008, с. 504.

³ Эта дата рождения Джунковского указывается в подавляющем большинстве справочных изданий, а также в опубликованных на его смерть некрологах (Голос, 5.III.1870; Иллюстрированная газета, 1870, № 11, и др.). Исключение составляет “Энциклопедический словарь” Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, где годом его рождения, вероятно ошибочно, назван 1820 г. – Джунковский Степан Степанович. – Энциклопедический словарь, т. 20. СПб., 1893, с. 559.

⁴ Подробнее о нем см. Преклонский Д. Биография тайного советника Степана Семеновича Джунковского. СПб., 1840.

⁵ Джунковский Степан Степанович. – Русский биографический словарь, в 25-ти т., т. 6. СПб., 1905, с. 345; Джунковский Степан Степанович. – Католическая энциклопедия, в 4-х т., т. I. М., 2002, стб. 1617.

Философские и религиозные искания Джунковского, его попытки популяризации православия не остались незамеченными Римско-католической церковью. Он был приглашен в Рим орденом иезуитов. Тесное общение с ними подвигло его в июле 1845 г. перейти в католичество. Более того, он заявил генералу иезуитов Я. Ротану о своем намерении вступить в орден и не возвращаться в Россию. В сентябре 1845 г. вместе с товарищем по университету И.М. Мартыновым С.С. Джунковский стал послушником аббатства Сент-Ашэль (около Амьена). В 1847–1849 гг. он изучал богословие в Лавале, в 1850–1851 гг. в Доле, овладел в совершенстве шестью европейскими языками, помимо латинского.

Со всем пылом неофита Джунковский стремился обращать в католичество неверующих. В 1847 г. он направил Ротану записку “О некоторых средствах, которые следует употреблять для обращения еретиков и схизматиков”, в которой характеризовал отношение к католичеству в России и предлагал Обществу Иисуса конкретные пути развития католической миссии. Однако эти предложения не получили тогда поддержки.

В январе 1852 г. Джунковский принял священнический сан с именем Этьен и стал кюре при церкви св. Женевьевы в Париже в одном из беднейших его кварталов. Благодаря своим незаурядным организаторским способностям Джунковский становится деятельным участником множества благотворительных обществ – “братства слепых”, “братства сирот” и др.

Тогда же он много писал. В 1852–1854 гг. духовные и светские журналы⁶ печатали серию его статей, посвященных проблемам славянского мира и единства Церквей, а также положению православия. Всего же в 1850-х годах Джунковский опубликовал за рубежом более 300 (!) статей, отдельных сочинений на французском, немецком, английском, итальянском, норвежском языках по самым различным областям знаний.

В декабре 1853 г. Джунковский вышел из Ордена иезуитов. Мотивы этого поступка неясны. В “Католической энциклопедии” осторожно говорится, что он осознал “несоответствие своего призвания харизме ордена”. В дореволюционных российских публикациях содержатся недвусмысленные намеки на то, что уже тогда Джунковский испытал первые разочарования в католической церкви. Во всяком случае в январе 1854 г. на аудиенции у папы Пия IX он предложил ряд церковных реформ, в частности отмену celibата как препятствия для воссоединения католиков и православных верующих.

Предложения были отвергнуты, а их автора папа Пий IX в том же году постарался отправить подальше от Рима, впрочем с ответственными поручениями и громкими титулами. Сначала Джунковский выехал в Австрию, затем отправился в Вестфалию для восстановления упраздненной после Реформации Оснабрюкенской епархии, а далее – в Лондон для устройства католического прихода для иностранцев.

“СЧИТАТЬ НАВСЕГДА ИЗГНАННЫМ ИЗ ПРЕДЕЛОВ ГОСУДАРСТВА...”

Осенью 1854 г. С.С. Джунковский выступил с идеей создания католической миссии на Севере Европы: ему-де было видение Девы Марии, призывавшей нести истинную веру к Северному полюсу⁷. Предложение, больше похожее на авантюру, нашло в Риме своих сторонников и не встретило неприятия со стороны папы. 26 ноября (8 декабря) 1854 г. Конгрегация по распространению веры создала полярную префектуру, во главе которой стал Джунковский, наделенный папой правами епископа⁸.

Активная деятельность ренегата Джунковского в Англии, вступившей в войну с Россией, повлекла решение “Правительствующего Сената по делу о бывшем русском подданном, дворянине Степане Джунковском, виновном в отступлении от православия

⁶ “L’Ami de la Religion”, “L’Univers”, “La Voix de la Verite” и др.

⁷ Nielsen J.P. Praefectura Apostolica Poli Arctici: A Nineteen Century Roman Catholic Missionary Offensive in the Far North. – Europa und der Norden. Tromsø, 1994, s.143.

⁸ Den katolske kirke i Norge. Fra Kristningen til idag. Oslo, 1993, s. 170.

и принятии римско-католического исповедания с поступлением в монашество Иезуитского ордена, равно оставлении отечества с нарушением верноподданнического долга и присяги”: Джунковского на основании ст. 354 Уложения о наказаниях лишить всех прав состояния, “считать навсегда изгнанным из пределов государства; в случае же самовольного возвращения в Россию сослать на поселение в отдаленнейшие места Сибири”⁹.

Летом 1855 г. Джунковский отправился в “отдаленнейшие места” Скандинавии¹⁰ искать место, где будущие миссионеры могли бы акклиматизироваться к суровым условиям Севера. Его выбор пал на селение Альта на севере Норвегии, где Джунковский нашел подходящий пустующий дом, в прошлом занимаемый губернатором Финнмарка.

Норвежские власти с настороженностью отнеслись к появлению миссионера. Первоначально они пытались выяснить — не является ли он иезуитом? Потом им долго не давал покоя тот факт, что Джунковский русский. (И в Швеции, и в Норвегии были уверены в существовании у российского правительства плана захвата незамерзающих гаваней Финнмарка для устройства там военно-морских баз¹¹; эта фобия десятилетиями культивировалась шведскими и норвежскими властями и прессой.) Джунковскому так до конца и не удалось избавиться от подозрений со стороны норвежцев в том, что его деятельность связана со шпионажем в пользу русского правительства¹².

Заинтересованные ведомства в России, в свою очередь, следили за передвижениями Джунковского.

10(22) мая 1856 г. архангельский военный губернатор С.П. Хрущов получил письмо под грифом “секретно” от министра внутренних дел С.С. Ланского, извещавшего о намерении С.С. Джунковского “отправиться из Рима через Швецию в северную часть империи и проникнуть по возможности до Колы для обращения тамошних жителей в католическую веру”. Министр просил принять надлежащие меры, чтобы воспрепятствовать этой акции¹³. К письму прилагалась записка “о бывшем русском подданном, а ныне деятельном члене конгрегации римско-католических миссионеров Степане Джунковском”:

«Некто Джунковский, русский подданный и бывший чиновник в одном из министерств в С.-Петербурге, несколько лет тому назад принял католическую веру и сделался священником, под именем аббата Этьен, принадлежит в настоящее время к обществу миссионеров.

Джунковский жил в Париже, где был сотрудником журналов “Univers” и “Ami de la Religion”. Два года тому назад он приехал в Рим и с тех пор постоянно имел различные секретные поручения; недавно он опять оставил Рим с намерением чрез Швецию проехать в Лапландию и даже в Колу, чтобы там войти в сношение с целью религиозной пропаганды с торговцами рыбы и меха, которые ежегодно из Архангельска приезжают в Колу. По дошедшим сведениям, Джунковский уже не в первый раз предпринимает такое путешествие, и предварительно он объезжал уже эти страны с целью обратить лапландцев и проникал даже в Архангельск под ложным именем»¹⁴.

Тогда же в Архангельск, как и в другие административные центры пограничных губерний, пришел отпечатанный типографским способом секретный циркуляр депар-

⁹ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО), ф. 1, оп. 4, т. 1, д. 1455, л. 7.

¹⁰ *Nielsen J.P.* I Kopperverkets tid. Kåfjord kirke 150 år. Alta, 1987, s. 71.

¹¹ *Nielsen J.P.* Praefectura Apostolica Poli Arctici..., s. 144.

¹² *Den katolske kirke i Norge*, s. 174–175.

Предположения о том, что С.С. Джунковский будто бы был специально внедрен в орден иезуитов и под прикрытием миссионерской деятельности выполнял, разъезжая по Европе, некие тайные задания в интересах России, пока не получили документального подтверждения. Связей С.С. Джунковского со службами, отвечающими за безопасность российского государства, не выявлено.

¹³ ГААО, ф. 2, оп. 1, т. 5, д. 6017, л. 1–1об.

¹⁴ Там же, л. 2–2об.

тамента полиции исполнительной МВД “Об изгнаннике Степане Джунковском”¹⁵, которым предписывалось принять меры к его задержанию в случае появления его в России. Странно, но министерство внутренних дел, имея непроверенную информацию о том, что Джунковский уже побывал в Архангельске, и требуя от военного и гражданского губернаторов принять меры к его задержанию, так и не выслало им описания внешности Джунковского!

Нам, кстати, пока не удалось обнаружить портрета Джунковского. Сохранились лишь отдельные описания его внешности в воспоминаниях путешественников, встречавшихся с ним в 1850-х годах. Одно из них приводится в книге английского путешественника Б. Тэйлора, побывавшего летом 1857 г. на севере Норвегии. Б. Тэйлор вспоминал о нем как о мужчине крепкого телосложения и массивной комплекции, показавшегося ему похожим то ли на калмыка, то ли на татарина, с первого взгляда производящего неприятное впечатление. У него было болезненное, желтоватого цвета лицо, глубоко посаженные глаза, большие ноздри, крупный рот, острый подбородок и высокие скулы. Однако варварская внешность удивительным образом сочеталась с изысканными манерами поведения. Джунковский представился англичанину русским дворянином, которому отказ от православной веры стоил состояния. Б. Тэйлор кратко отметил в своей книге необычное желание папы распространить католичество в Арктике, выразив сомнение относительно возможности его осуществления. Он полагал, что активность представителей католической церкви в Норвегии, где глубоко укоренилось лютеранство, неизбежно будет вызывать подозрение и недоверие (как оно и было на самом деле)¹⁶.

У молодого русского путешественника А.Н. Андреева, впервые выехавшего за границу и случайно оказавшегося попутчиком С.С. Джунковского в поездке на diligence из Флоренции в Болонью, внешность католического священника не вызвала неприятия: “очень плотный собою, с гладко выбритой бородой и усами... лицо... довольно симпатичное и добродушное”. Привыкший к частым и продолжительным поездкам Джунковский сумел завоевать расположение соотечественника тем, что на протяжении всей поездки угощал его всевозможными ликерами, паштетами, сырами, которые он время от времени извлекал из “бесконечных своих коробов и укладок”, и в особенности абсентом. Он оказался интереснейшим собеседником, находящим даже удовольствие в своеобразном эпатаже, не без гордости заявляя, что является соперником русского императора “в отношении обладания северными странами”.

“Всю дорогу я не видел, как провел время, – вспоминал впоследствии А.Н. Андреев. – Мы весело болтали без умолку, и не без основания я дивился уму и находчивости этого, тогда еще в первый раз ренегата, впоследствии же двойного и кончившего жизнь, увы, при обстановке, достойной много лучшей участи”. В память об этой встрече у А.Н. Андреева осталась визитка¹⁷.

К началу 1860-х годов стараниями Джунковского были восстановлены семь католических епархий, упраздненных в результате Реформации в Швеции, Норвегии, Исландии и Шотландии. Ему также удалось добиться от норвежского парламента официального признания своей миссии “полезной для страны”. Он стал членом Исландского литературного общества, председатель которого И. Сигурдсон был лидером движения за независимость Исландии. Джунковский участвовал в подготовке издания классического произведения исландской средневековой литературы – поэмы “Лилия” Э. Аусгримссона¹⁸.

¹⁵ Там же, ф. 1, оп. 4, т. 1, д. 1455, л. 7–7об.

¹⁶ *Taylor B.* Northern Travel. Summer and Winter Pictures of Sweden, Lapland and Norway. London, 1858, p. 259.

¹⁷ *Андреев А.Н.* Давние встречи. – Русский архив, 1890, кн. 1, с. 538–539. А.Н. Андреев ошибочно датирует знакомство с С.С. Джунковским 1852 г., тогда как, судя по упомянутой им визитке, оно могла произойти никак не ранее 1855 г.

¹⁸ *Nielsen J.P.* Praefectura Apostolica Poli Arctici..., s. 147–148.

В ПОИСКАХ “СОКРОВИЩ”

В 1857 г. (а, возможно, и в последующие годы) Джунковский дарил приезжающим в Норвегию русским небольшую, всего в 68 страниц, книгу “Сокровище христианина, или краткое изложение главных истин веры и обязанностей христианина. С присовокуплением некоторых избранных молитв”, стеклянные четки и крестики.

При осмотре одного из поморских судов, возвращавшихся из Норвегии в Россию, фельдфебель пограничной стражи Алексеев обратил внимание на эту книгу у одного из крестьян и изъял ее. Вероятно, бдительный фельдфебель обратил внимание на странность: книга на русском языке была отпечатана в Париже в императорской типографии в 1855 г., т.е. во время войны Франции с Россией! Выяснилось, что такого рода подарки в Норвегии получили и другие поморы. Начальник Архангельского таможенного округа сообщил о находке столичному начальству – в министерство финансов. Министерство финансов в свою очередь поставило в известность об этом министерство внутренних дел. Еще одна такая же книжка, отданная мудьюжским крестьянином приходскому священнику, была доставлена в Архангельскую духовную консисторию. О ней также сообщили в МВД.

В письме от 18(30) июня 1858 г. С.С. Ланской дал официальную оценку подозрительного издания: “Означенная книжка, содержащая в себе, кроме краткого изложения предметов верования и событий церкви, русские молитвы с примесью римско-католического вероучения и догматов, явно направлена к укоренению в нашем народе понятий, несогласных с догматами господствующей церкви”. Министр поручил губернатору “в видах прекращения распространения оной между православными жителями” отбирать у приезжающих из Норвегии эти книжки и, по возможности, “исследовать негласно”, от кого именно она была получена¹⁹.

9(21) июля 1858 г. архангельский губернатор отдал соответствующее распоряжение и обязал полицмейстера и уездных исправников представлять ему донесения о результатах каждые четыре месяца²⁰. Но обращение за помощью к полиции оказалось тщетным. На протяжении последующих девяти лет раз в четыре месяца полицмейстер и исправники писали, что “Сокровища христианина” на вверенной им территории “не находилось”, “не обнаружено”, “не оказалось”, “не отыскано”, “не открыто”, “не замечено”.

Поток этих отписок в 1867 г. прекратил архангельский губернатор князь С.П. Гагарин: “Не имея в настоящее время надобности в получении этих срочных донесений, даю о сем знать гг. полицмейстеру и исправникам для надлежащего исполнения, но вместе с тем поручаю иметь строгое негласное наблюдение за нераспространением означенного издания между местными жителями; особенно же строгий в этом отношении надзор следует учредить за прибывающими из Норвегии лицами, так как из предложения г. министра внутренних дел от 18 июня 1858 г. видно, что книжка эта ввезена была сюда в 1857 г. беломорскими промышленниками из Норвегии; затем если она и ныне появится, то, отобрав ее, тотчас представить мне, негласно исследовав – от кого, где и когда получена”²¹.

УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СТЯПЧИЙ ЗНАМЕНСКИЙ СОБИРАЕТ СВЕДЕНИЯ

В 1860 г. слухи о Джунковском привлекли внимание епископа архангельского Александра, который инициировал проведение специального расследования его деятельности. Часть материалов этого расследования лишь недавно была введена в научный оборот²².

¹⁹ ГААО, ф. 1, оп. 4, т. 5а, д. 597, л. 1–2об.

²⁰ Там же, л. 354.

²¹ Там же, л. 354 – 354об.

²² Давыдов Р.А. Католический миссионер Дженковский в Северной Норвегии. – Свеча–97. Архангельск, 1997, с. 235–237; Davydov R.A. Catholic Missionary Jenkovsky in Northern Norway. – Religion, church and education in the Barents Region. Arkhangelsk, 1997, p. 126–128.

Летом 1860 г. епископ архангельский Александр получил письмо от священника села Кереть Кемского уезда Федора Ануфриева. В письме содержались жалобы на засилье раскольников в уезде. Они повторялись из года в год, и в них не было ничего нового. Но одна из жалоб привлекла внимание Его Преосвященства: «Проживающий в городе норвежском Тромзене (Тромсё. – *Р.Д.*), куда весьма многие поморские жители ходят на судах для торговли, папский миссионер, будто бы какой-то польский выходец Джонсковский²³, привлекает торгующих русских подданных... к латинству, нередко зимой проезжает по погостам лопарским для распространения своего учения и заблуждений. Он имеет огромные средства от папского правительства и обещает совратившимся из раскола в униатство разные привилегии в торговле с Норвегией и значительную денежную помощь»²⁴.

Епископ посчитал, что полученное сообщение заслуживает того, чтобы доложить о нем архангельскому губернатору, который 31 августа (12 сентября) распорядился направить в Кемский уезд, на русско-норвежскую границу, уголовных дел стряпчего И.П. Знаменского. Командировка «по секретному делу особой важности» в отдаленный уезд «примерно на 1000 верст»²⁵ была не из легких. Когда же Знаменский, добравшись до села Кереть, встретился с благочинным Ф. Ануфриевым, тот решительно ничего не мог сообщить нового, сказав, что его письмо было основано на слухах. Впоследствии в рапорте губернатору от 4(16) ноября 1860 г. о результатах своей поездки Знаменский записал: «Благочинный священник Ануфриев поторопился возбудить заботливость начальства о предотвращении зла, существование которого и самому ему положительно не было известно». Но к сбору информации о католическом миссионере он проявил интерес.

Поморы очень неохотно, «с уклончивостью от искренности»²⁶, давали показания о человеке, который общался с ними в Норвегии на религиозные темы. Тем не менее Знаменский понял: католическая пропаганда, ориентированная на поморов, – не выдумка, и миссия, финансируемая из Рима, реально существует. Наибольшую помощь следствию оказал благочинный 1-й части Кемского уезда Сумского посада Гавриил Лысков, из душевных бесед со своими прихожанами узнавший множество подробностей о жизни и деятельности папского миссионера в Норвегии. По просьбе следователя он представил в письменном виде все, что ему известно о папском миссионере:

«Что же касается папского миссионера польского выходца Дженсковского, то о нем я знаю следующее: он прекрасно знает русский язык и отлично образован, сказывают, что образование свое он получил в одном из русских университетов. При всем том, из разговоров его с норвежцами открывается, что он, Дженсковский, бежал из России вследствие каких-то своих преступлений; так что по собственному его сказанию, тому, кто бы его представил в России, было бы дорого заплачено и что тотчас же, по представлении его, он был бы непременно сослан в Сибирь. Был ли Дженсковский когда православным, о том неизвестно; но ныне он пастор и проповедник римско-католического вероисповедания. Проживает же в Норвегии, как он сам рассказывает, русским торговцем под покровительством французского правительства... Мои прихожане в 1857 и 1859 годах видели его в Гаммерфесте. По их рассказам, здесь он даже имеет свою домовую церковь, в каковой и отправляет в обольщение русских свое богослужение на русском языке. И к русским во все их время пребывания в Гаммерфесте по своим торговым делам бывает он весьма внимателен. Входит в разговоры при каждой с ними встрече и при этом рассказывает «отцом Степаном»... Приглашает каждого как

²³ В документах его фамилия ошибочно писалась и по-разному. Далее при цитировании источников мы оставляем ее написание как в оригинале.

²⁴ ГААО, ф. 1, оп. 4, т. 5а, д. 626, л. 2–2об.

²⁵ Там же, л. 10.

²⁶ Там же, л. 16об.

к совершаемому им богослужению в свою церковь, так и, преимущественно, в свою квартиру. Принимает их у себя ко всем ласковостью, угощает столом и даже хмельными напитками, что в особенности и привлекает к нему всегда немалое количество посетителей русских, особенно таких, кои не чужды того, чтобы угоститься за чужой счет. Причем Дженсковский совсем иезуитскою хитростью вовлекает таковых своих посетителей в разговоры о вере; выспрашивает их как о состоянии русской православной церкви, так и о состоянии всего вообще русского правительства. В особенности же выспрашивает со всею тщательностью о состоянии нашего несчастного и жалкого раскола. Причем по своему обыкновению всегда и на всевозможные лады поносит как нашу православную церковь, так, в особенности, и все наше русское правительство, начиная от государя императора и до самых низших чинов... И, между тем, от таковых поношений русских церкви и правительства всегда и в то же самое время непременно переходит к самым напыщенным и к самым высокопарным похвалам папе и всей римской церкви, стараясь, таким образом, незаметно для своих слушателей, поселить в них невольное к ним уважение и расположение»²⁷.

Сегодня, располагая документами о жизни и деятельности Джунковского и исследованиями норвежских историков, нельзя не заметить, насколько точными оказались сведения сумского священника. Г. Лысков указывал на порочность и безнравственность папского миссионера, едва ли способного “привлекать к себе людей порядочных”²⁸, имея в виду пристрастие Джунковского к алкоголю. Современные зарубежные историки также не обходят молчанием этой болезненной для репутации Джунковского темы, удостоившегося при жизни прозвища “епископ Коньяк”²⁹, и соглашаются с тем, что наибольший успех пропаганда его имела среди норвежских бедняков, надеявшихся на благотворительность католиков³⁰.

Между тем никакими данными о миссионерской деятельности Джунковского, ориентированной на поморов, норвежские авторы не располагают. Г. Лысков же, по понятным причинам, уделял ей первостепенное внимание: «Дженсковский, в подкрепление своего проповедничества посредством живого слова, каждому из своих посетителей – каждому русаку дарит или, прямее сказать, навязывает книжки под заглавием “Сокровище христианина с присовокуплением некоторых нужных молитв”, отпечатанные на чистом, современном русском языке в 1855-м году в Парижской типографии. Книжки эти, на мой взгляд, не что иное, как краткий катехизис римской церкви, составленный весьма просто и весьма понятно для всякого, и даже для русака-простолюдина»³¹.

Чтобы не быть голословным, Г. Лысков отобрал у своих прихожан три экземпляра парижского “Сокровища” и представил их производящему следствие чиновнику. (Между прочим, к тому времени архангельский полицмейстер и все уездные исправники уже два года подряд каждые четыре месяца отписывались губернатору о том, что не могут найти ни одного экземпляра данного издания!).

В сопроводительном письме к изъятым книгам Лысков указал, что сочинителем и издателем их, со слов Джунковского, был князь Гагарин³². Лысков был уверен: на руках у поморов осталось еще до 500 экземпляров книги. Явно не симпатизируя своему зарубежному коллеге, благочинный Лысков тем не менее написал о том, как С.С. Джунковский в 1857 г. проявлял деятельную заботливость о большом количестве заболевших в Норвегии россиян, бесплатно лечил, кормил их и “вспомоществовал им всеми возможными мерами”, очевидно понимая, что проповеди, соединенные с актами милосердия, оказывают гораздо больший эффект.

²⁷ Там же, л. 53–54.

²⁸ Там же, л. 65об. – 66.

²⁹ Den katolske kirke i Norge, s. 184, 496.

³⁰ Nielsen J.P. Praefectura Apostolica Poli Arctici..., s. 146.

³¹ ГААО, ф. 1, оп. 4, т. 5а, л. 626, л. 54–54об.

³² Вероятно, имеется в виду князь Иван Сергеевич Гагарин (1814–1882).

Г. Лысков особо отметил, что миссионер не только занимался пропагандой, но собирал всевозможные материалы, касающиеся русского раскола: «Он старается выманивать у раскольников уважаемые ими книги и вместе заботится и о том, чтобы как-нибудь запастись и теми книгами, кои православною церковью изданы в обличение русского раскола... Один из моих прихожан уже видел в руках Дженковского одну раскольническую книгу, именно: “Об отцах и страдальцах Св. Соловецкой обители”. Чтобы запастись этими книгами, Дженковский, как слышно, входит для того в сношения со здешними богатыми поморцами и просит их о приобретении для него этих книг, давая им на этот предмет довольно значительное количество денег»³³.

Существование такого рода сделок или обменов подарками косвенно подтверждал впоследствии и сам С.С. Джунковский уже по возвращении в Россию³⁴.

“МЫ САМИ ИЩЕМ СОЮЗА С РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ...”

К 1860 г. запасы парижского “Сокровища” у Джунковского, видимо, подошли к концу, и он стал искать возможность отпечатать новую партию.

За содействием он решил обратиться... к революционерам в Вольную русскую типографию, деятельность и продукция которой уже были широко известны в России и Европе.

С.С. Джунковский, как минимум, дважды встречался с сотрудником типографии В.И. Кельсиевым. Согласно показаниям последнего, это было, “кажется, летом 1860 г., второй раз осенью 1861 г.”³⁵ Джунковский хотел приобрести церковный шрифт для типографии, которую он хотел устроить на Севере Норвегии. Кельсиев, не скрывая своих атеистических взглядов и “отвращения к католицизму”, тем не менее пообещал помочь.

У Кельсиева и Джунковского, несмотря на разницу в возрасте (первому было 25 лет, второму – почти 40), оказалось много общего. Оба были из дворян; оба были командированы за границу, но фактически бросили службу и стали эмигрантами; обоих их интересовали русские старообрядцы; оба опубликовали за рубежом несколько объемных исследований, посвященных старообрядчеству.

Вот какой диалог произошел между ними, согласно воспоминаниям Кельсиева:

– Я должен прямо объяснить Вам, Степан..., – сказала я ему, – что уговор лучше денег. Я ни слова не скажу... не напишу в пользу исповедания, глава которого не в России, которое повлекло бы к расслаблению русской народности. Помогать расколу... я готов потому, что раскол, прежде всего наше доморощенное произведение, и что каждый раскольник, прежде всего, русский; он даже верует только в те догматы, которые сочинены в России. А про последователей иностранных исповеданий этого нельзя сказать, – какие ни будь они русские патриоты, а богословие их все-таки чужого ума дело, и догматика их вырабатываться всегда будет не у нас, а за границей, где она волей-неволей будет принимать оттенок, враждебный нашей национальности...

– Я очень уважаю и ценю Вашу откровенность, – отвечал Джунковский, – и Вам не покажется парадоксом, что я имею большое сочувствие к атеистам...

Я глаза вытаращил от такого оборота дела.

– Да, я признаю только два последовательных учения – атеизм и католицизм, есть Бог и нет Бога. Если нет – ну и нет, и это может войти в умную голову. А если умная голова признает, каким бы то ни было путем, что Бог есть, то я не вижу, как ему не допустить проявления этого Бога на Земле пророчествами, чудесами, чудотворными иконами, мощами и всем, над чем смеются протестанты... признавая возможность их во времена Ветхого Завета и отрицая их в Новом... Атеиста я понимаю, а их я не понимаю...

³³ ГААО, ф. 1, оп. 4, т. 5а, д. 626, л. 55об.

³⁴ См. его воспоминания: Русский инвалид, 1866, № 199.

³⁵ Кельсиев В.И. Исповедь. – Литературное наследство, т. 41–42, кн. 2. М., 1941, с. 292.

– Делайте, что хотите, печатайте, что хотите, – продолжал Джунковский, – и не работайте в пользу католицизма. Наш интерес, интерес католиков, весьма прост. Нам нужно добиться полной свободы вероисповедания на всем земном шаре и уничтожения монархий. Нам республики выгодней монархии. Вы скажете, что в Риме иначе на это смотрят – да, правда, там в большой силе старая партия, там, как и повсюду пропасть отсталых, которые силятся сохранить отжившие учреждения и тем бросают тень на самую веру. А мы, новые, мы сами ищем союза с революционерами, – я искал знакомства с Герценом, а не он со мной. Мы в революционерах всех цветов, даже в крайних коммунистах и фурьеристах, видим естественных союзников. Они – наши пионеры. Пусть они очистят землю от этих монархий, пусть они с лица земли сотрут все, что препятствует развитию свободнейших учреждений, и тогда на земном шаре будет едино стадо и один пастырь!

– Един пастырь, т.е. папа, я, пожалуй, допускаю, – говорил я, – но чтобы стало единым стадо – это уж, воля Ваша, сомнительно!..

– Нет, не сомнительно, Василий Иванович, – горячился Джунковский. – Теперь прогресс, наука вперед идет, невежество исчезает, а с ним исчезнет и сектантство. Протестантизм не выдержит критики, православие поймет, что оно гибнет от своего раскола с престолом князя апостолов, а про язычество да про магометанство, иудейство и прочий вздор и толковать нечего.

– Ну, теперь я понимаю, куда Вы бьете, – решил я, – и я поеду в...³⁶ работать в помощь бедным сектантам с чистой совестью. Я убежден, что ни политическая, ни религиозная свобода не спасут католицизма, который тоже несостоятелен...

– Он нуждается в реформах – и в радикальных, я не скрываю³⁷.

После чего они и ударили по рукам³⁸.

Однако сотрудничество не получилось, в сущности из-за пустяка. Изготовление нужного шрифта затянулось. Словолитня изготовила шрифт не за две недели, как предполагалось, а за два месяца. В процессе ожидания Джунковский в письме упрекнул Кельсиева в том, что тот не держит своего слова. Кельсиев обиделся и ответил Джунковскому также “не совсем дружеским” письмом. Больше они не общались³⁹.

В 1862 г. Кельсиев нелегально съездил в Санкт-Петербург и Москву по паспорту турецкого подданного⁴⁰. Дальнейшие судьбы Кельсиева и Джунковского схожи: в первой половине 1860-х годов, испытав много личных несчастий⁴¹, разочаровавшись в людях и идеях; в конце концов, не справившись с серьезными денежными затруднениями, оба они вернулись в Россию и сдались властям, вызвав недоумение и отвращение к себе в среде революционеров и эмигрантов⁴².

Власти самодержавной России простили обоих.

КОНЕЦ “МИССИИ СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА”

Постоянные разъезды, проживание на Севере подорвали здоровье Джунковского. Он оставил полярную префектуру, центр которой он перед этим тщетно попытался

³⁶ Пропуск в подлиннике.

³⁷ Кельсиев В.И. Указ. соч., с. 292–293.

³⁸ Это выражение самого В.И. Кельсиева: “И мы ударили по рукам”. – Там же, с. 293.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Эджертон В. Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов. О реальной основе “Некуда” и “Загадочного человека”. – Литературное наследство, т. 101, кн. 1. М., 1997, с. 614–637.

⁴¹ У В.И. Кельсиева умерли жена и дети, после чего он подорвал свое здоровье “неумеренным употреблением вина”. Он стал часто болеть, “впадая временно в полную апатию”. – Русский биографический словарь, в 25-ти т., т. 8. СПб., 1897, с. 611.

⁴² Известно, например, что А.И. Герцен презрительно назвал С.С. Джунковского “утомившимся грешником”, “ничтожным”, “дрянным”, “двойным ренегатом”, “проползшим” в Россию со своим покаянием. – Литературное наследство, т. 41–42, кн. 2, с. 449–450.

переместить в Копенгаген⁴³. Не найдя поддержки своим идеям в Римско-католической церкви, он решился на своеобразный протест: женился на некой англичанке. Брак вскоре распался, а Джунковский, по-прежнему испытывавший физические и нравственные страдания, занялся кабинетной работой. Он удалился во Флоренцию; некоторое время жил в Баден-Бадене, Вюртемберге и в 1864 г. завершил работу над одним из наиболее известных своих трудов – двухтомным “Словарем католических миссий” для “Богословской энциклопедии”. В этом обширном труде, исходя из концепции “богословия статистики”, Джунковский представил перечень католических миссий, начиная со времен Реформации, дал описание религиозной ситуации в странах, где католичество не было господствующим исповеданием, и краткие исторические очерки различных монашеских и миссионерских орденов и конгрегаций. Несмотря на отсутствие единых научных критериев, этот труд стал заметным вкладом в развитие социологии и истории религии того времени.

Живя на грани нищеты, больной и не находящий понимания окружающих, С.С. Джунковский пришел к убеждению, что Римская церковь скорее преграда, чем средство к счастью человечества. “Чем больше я для нее жертвовал, – утверждал он впоследствии, – чем более подвизался для ее распространения до Северного полюса, тем более рассеивался мираж, ослеплявший мои глаза”. Растущее ожесточение против папизма и привели Джунковского к тому, что в сентябре 1865 г. он направил настоятелю Русской православной церкви в Штутгарте протоиерею И. Базарову покаянное письмо. В январе 1866 г. протоиереем И. Базаровым С.С. Джунковский был присоединен к Русской православной церкви в качестве простого мирянина.

История религиозных исканий и “заблуждений” Джунковского, в конце концов обратившегося к родной церкви, вызывала недвусмысленные ассоциации с притчей о блудном сыне и получила известность благодаря публикациям самого Джунковского в российских периодических изданиях вскоре по возвращении в Россию⁴⁴.

В западноевропейских газетах и журналах, особенно клерикальных, где Джунковский был одним из ведущих сотрудников, возвращение его в Россию было воспринято с тревогой и породило противоречивые слухи. Это побудило Степана Степановича, теперь уже дважды ренегата, обнародовать написанное им на французском языке “Пастырское прощальное послание апостолического наместника арктических стран, обращенное к духовенству и пастве этой епархии” с включенной в него “Энцикликой”, где он подверг резкой критике учение и в особенности практику Римско-католической церкви.

В последние годы жизни Джунковский был членом Учебного комитета при Святейшем Синоде и членом Миссионерского общества; сотрудничал с несколькими духовными и светскими периодическими изданиями. Но проблемы со здоровьем не прекращались. 25 февраля (9 марта) 1870 г. в 6 часов вечера на 50-м году С.С. Джунковский ушел из жизни. Неистребимая любовь к поискам истины и любопытство не покидали его до последних минут: он даже попросил доктора анатомировать его, чтобы тот смог точно установить причину его смерти. Пожелание умирающего было исполнено. В опубликованных некрологах, между прочим, упоминались жена и двое детей С.С. Джунковского, оставшиеся после его кончины “без всяких средств”⁴⁵.

Годом раньше, в 1869 г., прекратила свое существование полярная префектура. К настоящему времени о ней напоминают лишь маленькая часовня в Альте, восстановленная к 2006 г. – 150-летнему юбилею миссии, и несколько могил на кладбище.

⁴³ Den katolske kirke i Norge, s. 184–185; *Bull T.* Count Djunkowsky and the Roman Catholic North Pole Mission. – Religion, church and education in the Barents Region, p. 124.

⁴⁴ Домашняя беседа, 1866, № 41–49; Русский инвалид, 1866, № 44, 165, 199, 213, 259, 289, 294, 295, 315, 326, и др.

⁴⁵ Голос, 5.III.1870; Иллюстрированная газета, 1870, № 11.

ИТОГИ РАБОТЫ МИССИИ

Организация префектуры, ориентированной на распространение католицизма на Севере в 1854–1855 гг., пришлось на годы Крымской войны, одним из главных поводов к которой был конфликт между Римско-католической и Православной церквями о правах на святые места в Палестине, в котором верх одержали католики. Логично предположить, что ободренный успехом папы Пия IX в 1854 г. поддержал предложение русского ренегата о распространении католицизма в Скандинавии, где позиции Римско-католической церкви, казалось, были безвозвратно утрачены в эпоху Реформации и откуда, при удачном стечении обстоятельств, можно было бы начать новую волну религиозной экспансии, направленной в том числе и на Россию.

На то, что “Миссия Северного полюса” появилась во время войны, до сих пор не обращалось должного внимания, как и на то, что отказ Джунковского от православной веры не повлек в отношении него никаких репрессий со стороны царского правительства: он принял католичество и вступил в Орден иезуитов в 1845 г., но лишь в 1854 г. был заочно лишен всех прав состояния – фактически за то, что в условиях военного времени “с нарушением верноподданнического долга и присяги” вел пропаганду, направленную против православия и России.

С.С. Джунковскому благодаря русскому происхождению, обаянию, эрудиции и щедрости удавалось проводить широкомасштабную миссионерскую работу среди сотен русских поморов, ежегодно приходивших в Финнмарк для ведения рыбных промыслов и меновой торговли. После его отъезда из Финнмарка продолжить это дело стало просто некому, да и вряд ли можно было подобрать адекватную замену “отцу Степану”.

Норвежцев, стараниями Джунковского принявших католичество в 1850–1860-х годах, оказалось, по разным данным, всего лишь два–три десятка человек! (Католиков в Норвегии и в наши дни тоже немного – менее 1% населения страны.) Однако влияние “Миссии Северного полюса” на религиозную и культурную жизнь Северной Норвегии оказалось довольно значительным, хотя и не таким, как того можно было ожидать. Норвежские власти, всегда склонные воспринимать серьезно не только реальные, но и маловероятные внешние угрозы для своего государства и господствующей церкви, для противодействия католической экспансии в 1860-х годах приняли срочные меры по поддержке господствующей церкви и увеличению численности священнослужителей в регионе⁴⁶.

Попытка склонить живущих в Архангельской губернии староверов к униатству оказалась незавершенным, неудачным экспериментом Римско-католической церкви. Посещавшие Норвегию поморы по возвращении на родину предпочитали не распространяться о контактах с ними католического миссионера; все документы российских властей о ренегате С.С. Джунковском тех лет были засекречены и совершенно не известны общественности. Поэтому до недавнего времени сам факт существования католической пропаганды, направленной на жителей Архангельской губернии в середине XIX в., оставался неизвестным историкам.

⁴⁶ Нильсен Й.П. Указ. соч., с. 513.